

© 2011 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

ОТНОШЕНИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ, ПОРТОЙ И КРЫМОМ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ КОШЕВОГО АТАМАНА ИВАНА СЕРКО

После Чигиринских походов 1677–1678 гг. Османская империя предприняла усилия по расширению системы крепостей в низовьях Днепра, одновременно пытаясь установить свой протекторат над Запорожской Сечью. Это привело к попыткам кошевого атамана Ивана Серко найти поддержку у польского королевского двора. В результате возник проект соглашения перехода части запорожского казачества под власть Речи Посполитой, оставшийся неосуществленным по ряду причин.

After the Čigirin War of 1677–1678, the Ottoman Porte was making efforts to reinforce the system of fortresses in the Low Dnepr and, at the same time, trying to establish its protectorate over the Zaporozhyan Sech. It led to the attempts of the kosh-ataman (*koševoj ataman*) Ivan Serko to win support of the Polish royal court. This resulted in a draft-agreement, which implied that a group of the Zaporozhyan Cossacks would come under the sway of the Polish-Lithuanian Commonwealth. However, this project had not been ratified for a number of reasons.

Ключевые слова: Запорожская Сечь, Иван Серко, Османская империя, Речь Посполитая, Россия.

После заключения Журавненского мира Речи Посполитой с Османской империей (1676) связи королевского двора с Запорожской Сечью ослабли. Это произошло не только потому, что заключив мир с турками и татарами, польский король Ян III более не нуждался в запорожцах как боевой силе, которую он всегда высоко ценил, но и из-за тех препятствий, которые всячески чинило сношениям Сечи с Речью Посполитой русское правительство и украинский гетман Иван Самойлович.

Журавненский мир 1676 г. оставил Россию один на один с такими грозными противниками, как Османская империя и Крымское ханство. После битв за Чигирин 1677–1678 гг. военные действия воюющих сторон приобрели вялотекущий характер. И Москва, и Стамбул зондировали возможности заключения мира. Именно к этому времени относятся попытки польского королевского двора наладить тесные отношения со знаменитым кошевым атаманом Иваном Серко. В литературе встречались лишь самые эпизодические и часто не очень точные упоминания об этих контактах [1. С. 217, 222–223; 2. С. 572; 3. С. 482–483], не дававшие представления ни об их масштабе, ни о результатах, ни о длительности. Тем более не было попыток выяснить предпосылки и причины польско-запорожских связей 1679–1680 гг.

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Важным фактором возобновления запорожско-польских отношений стало обоюдное стремление к миру России и Османской империи. Немаловажную роль, хотя и не решающую, сыграл в этом провал попыток Ивана Серко самостоятельно договориться с турками и татарами.

Сношения с Крымским ханством всегда имели большое значение для Запорожья. Однако перед самым началом и во время борьбы за Чигирин непосредственных контактов с низовым войском стал искать и сюзерен крымского хана – Оттоманская Порты, понимая, что позиция Сечи может повлиять на исход русско-турецкого конфликта. Эмиссаром Порты в сношениях с запорожцами выступил Хуссейн Мурза Муравский (Моравский) – татарин-липка¹, военный и дипломат, оставивший любопытный след в событиях, развернувшихся на украинских землях в 1670-х годах. В 1667 г., будучи ротмистром коронных войск, Муравский был выслан королем Яном Казимиром с дипломатической миссией в «южные страны». С началом польско-турецкой войны 1672–1676 гг. многие татары-липки перешли на сторону турок. Среди них был и Хуссейн Муравский, участвовавший как переводчик в польско-османских переговорах и заключении Бучачского мира 1672 г. Где-то в 1674 г. Х. Муравский стал беим Бара, который в ноябре того же года был взят войсками Яна Собеского. Король не только сохранил Муравскому свободу, но даже вновь принял на военную службу, а в 1675 г. выслал послом к крымскому хану Селим-Гирею. Но проницательный татарин-липка не оценил королевских милостей и вернулся на турецкую службу [4. S. 265, 272–277, 290–294] (см. также [5. S. 136–140]). Польский посол в Стамбуле (1677–1678) хелминский воевода Ян Гнинский, во время своей миссии встречавшийся с Х. Муравским, отмечал, что тот в ходе польско-турецких переговоров консультировал османских дипломатов касательно Бара и Подолии, за что получил поместья под Адрианополем [4. S. 295–296] (см. также [6. S. 67, 128, 159]).

Дальнейшая судьба Хусейна Муравского до настоящего времени была малоизвестна историкам. Польский исследователь Ян Перденя отмечал (без указания источника), что в 1676 г. Муравский был назначен беим Казыкермена – крепости, игравшей стратегическую роль по защите устья Днепра от проникновения казацких чаек в Черное море. В его задачу входило недопущение помощи запорожцев польским войскам в кампании 1676 г. путем заключения соглашения с Сечью [7. S. 454].

Однако и в последующие годы Х. Муравский не только руководил обороной низовьев Днепра от запорожских казаков, но и выступал как эмиссар Порты по украинским делам. В июле 1677 г. татарин Умерко, сбегавший из Казыкермена, поведаль в Малороссийском приказе в Москве, что в крепости «начальным человеком Усеин (Хуссейн. – К.К.), бей Моравской, а наперед де сего служил он полскому королю у полских липских татар ротмистром, и переехал на салтаново имя из полсково города Бара в то время, как салтан турецкой Каменец-Подольской взял». Умерко сообщил о перемирии, заключенном Сечью и Крымом, в знак которого Иван Серко послал на полуостров двух казаков «в аманаты». Примечательно, что, хотя хан отправил казаков обратно, заявив им, что готов жить с запорожцами «в миру без аманатов», те направились не домой, а в Казыкермен, где остановились на достаточно длительное время. С ответной миссией от хана к И. Серко поехал высланный ранее (видимо вместе с «аманатами») кошевым атаманом на Крым толмач в сопровождении толмача из Казыкермена [8. Стб. 198, 201]. Эти косвенные свидетельства активного участия казыкерменского бея в заключении крымско-османской стороной перемирия с Запорожской Сечью подтверждаются и другими данными.

В конце октября 1677 г. гетман И. Самойлович сообщил прибывшему к нему царскому дипломату Василию Михайловичу Тяпкину, что возвращавшийся

¹ Липки – польско-литовские татары.

из-под Чигирина крымский хан заключил перемирие с Иваном Серко на три года, после которого запорожцы помогли татарам переправиться через Днепр. Вскоре хан направил в Сечь своих послов для подтверждения договоренностей, обещая прислать низовым казакам «многие хлебные запасы», порох, самопалы и свинец. От имени Порты же эти переговоры продолжил находившийся в Казыкермене Хуссейн Муравский, которому, по словам гетмана, из Стамбула было прислано 30 тыс. червонных «для прекупления того Серка с казаками в подданство турецкое». По сведениям Самойловича «тот бей Моравской бывал полской татарин, и учен многим школам и языком, и с ним Серком съезжался, и поставя полки свои в поле, каждой на своем месте, а сами сседши с коней, отошли далеко, взявся за руки и ходили меж кусты». В результате Серко якобы «подарки от того бея принял и присягнул на подданство турецкому султану» [8. Стб. 330]. В декабре 1677 г. находившийся в Стамбуле польский посол Я. Гнинский сообщил о появлении там Х. Муравского, который заявлял, что привез заключенный с И. Серко договор о перемирии («*armistitium autentyczne*»). После этого при Стамбульском дворе начали даже рассматривать возможность провозглашения И. Серко гетманом на «османской» части Украины вместо Юрия Хмельницкого. Муравский, видимо, должен был сыграть в осуществлении этих планов немалую роль. Сам Я. Гнинский, впрочем, сомневался, что знаменитый кошевой атаман настолько доверит Порте, чтобы принять это предложение [6. S. 271–272]. В апреле 1678 г. Самойлович сообщал в Москву, что взятый в плен татарин рассказал, что Серко якобы писал в Очаков и Белгородскую орду, предупреждая о возможных набегах посланных гетманом казацких отрядов, одновременно направив посланцев к султану, «прося себе знамен на гетманство» [8. Стб. 571] (см. также [8. Стб. 595, 602]). Учитывая вышеприведенное свидетельство Я. Гнинского, можно утверждать, что эти и другие поступавшие в Москву в течение года данные о сотрудничестве кошевого с Портой не были совсем голословными.

Ведение Сечью переговоров с Портой или Речью Посполитой вовсе не означало полный разрыв с Москвой и Батуриным или прекращение мелких казацких набегов на Крым и нападений на татарские отряды.

В ноябре 1678 г. Иван Серко, жалуясь в письме И. Самойловичу, что многие сечевики ушли к Ю. Хмельницкому, отмечал, что здесь не обошлось без Хуссейна Муравского, чей агент переманивал казаков [8. Стб. 700].

Запорожско-турецкие переговоры не получили дальнейшего развития, несмотря на достигнутое соглашение о перемирии (не продлившемся впрочем долго). Видимо в какой-то момент И. Серко отказался от своих планов (о реальности которых мы также не можем сказать со стопроцентной уверенностью) стать гетманом Украины под протекторатом султана. Поэтому во второй половине 1678 г. запорожские казаки возобновили против Крыма и турок военные действия [9. С. 287–289]. Они продлились до ноября, когда кошевой сообщал гетману о предложении Крыма заключить перемирие на три месяца с целью обмена пленными. В ответ Серко направил в Крым толмача Данилу [8. Стб. 700]. К тому времени в Сечи находилось около 600 человек полоняников [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 39].

В 1679 г. турецко-татарская сторона главные усилия сосредоточила на укреплении и расширении системы оборонительных фортов в низовье Днепра, стремясь полностью заблокировать выход запорожцев в Черное море [9. С. 290–292; 11. С. 329–331]. Эти действия турецко-татарских войск не грозили большой опасностью южным границам России и Украины, зато вызвали немалое беспокойство казаков Запорожской Сечи и их кошевого Ивана Серко.

В феврале 1679 г. запорожцы разбили на «крымском шляху» татарский отряд в несколько сот коней и убили посланца от великого везира к Х. Муравскому. В руки сечевых казаков попали «листы и чертежи Днепра реки со всеми ево островами и лозниками, и полевыми речками от Очакова даже до Кодака, на каких

местах имеют городки строить». В перехваченных письмах Усеин-бею (Хусейну Муравскому) поручалось руководство сооружением новых крепостей на Днепре. С посланцем, который вез письма, Муравский должен был обсудить, «что на строение городов надобно камня, кирпичю, извести» и к какому времени все это должно быть доставлено, чтобы в текущем году «совершить то дело без порухи». Встревоженный И. Серко, сообщая об этом гетману, просил его согласовать с русским правительством скорую присылку на Сечь крупного московско-казацкого отряда, выслать запорожцам воинские запасы и принять меры по укреплению Кодака [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 9. Л. 2–6]. Самойлович в ответном письме убеждал кошевого, что низовому войску «ненадобно [...] ни мало о том сомневаться и о целости своей», обещая, что царь приготовил в этом году для обороны Украины вдвое или втрое больше войск, нежели в прошлом. Кроме того, гетман, опираясь на дошедшие из Молдавии вести (как он уверял, из надежных источников) считал, что этим летом османы основные свои силы направят под Киев. Поэтому он убеждал Серко, что известия о намерении турок строить на Днепре новые крепости – не более чем дезинформация, цель которой отвлечь внимание русско-украинской армии от Киева, чтобы застать его врасплох, неготовым к обороне [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 10. Л. 6–10]. Довольно быстро выяснилось, что расчеты гетмана были ошибочны.

Для русско-украинских войск военная кампания 1679 г. против турок и татар свелась к оборонительным мерам, предпринятым в районе Киева [11. С. 326–329]. На Запорожскую Сечь были посланы небольшие отряды русской пехоты и украинских казаков. Русскими стрельцами, посланными на Сечь из Киева в количестве 470 чел. командовал стольник Василий Федорович Перхуров [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 14об.–16]. Это предопределило неудачу скромных русско-украинских сил помешать укреплению турецкой обороны низовьев Днепра.

1/11 августа отряд стольника В.Ф. Перхурова, уменьшившийся к тому времени до 260 стрельцов, и запорожцы (700 казаков) под предводительством И. Серко в очередной раз двинулись к турецким фортам. Прибыв на место 5/15 августа, русско-украинский отряд обнаружил там большое скопление турецко-татарских войск. «Видели есмы достроенный на косе у острова Таванского городок таков, как и первые, около которого великое множество войска турского, – свидетельствовал И. Серко – в том острове и судов военных колико сот у берега их, занеже по первом нашем к ним походе с моря прибавлено им послнков, орды также, как и перво, так и ныне в поле на залоге». Турецкие отряды под командой нескольких пашей расположились на острове Тавань в новопостроенном каменном форте с шестью башнями. Кошевой, считая, что силы слишком не равны, отказался не только от нападения на турок, но и от попыток взять языков. «И кошевой атаман Иван Серко на тех пашей не ударил и на орду, а мне одному делать нечего», – сокрушался В.Ф. Перхуров в письме к И. Самойловичу, написанном 8/18 августа, по возвращении из неудачного похода. Царский стольник сетовал, что обещанных подкреплений ему до сих пор не прислано, провиант заканчивается и ему остается только «помирать з голоду» со своими двумя сотнями солдат, поскольку высланный им 19/29 июня отряд (50 чел.) под командой сотника Прокофия Бобоедова за «хлебными запасами», которые были оставлены у Кодака, у «первого порога», до сих пор не вернулся. «А промыслу против неприятеля нет, и казаки все пошли в рознь, битца не хотят, дважды под городки ходили, а ничего не учинили», – продолжал он, сообщая, что на коше осталось менее 400 запорожцев. Считая, что ему нет смысла далее оставаться в Сечи, В.Ф. Перхуров просил у гетмана распоряжения вернуться со своими стрельцами в Киев. Перхуров вторил Григорий Старосельский – казак, прикомандированный гетманом к русскому отряду. Он сообщал, что во время последнего похода, из которого «ни с чем назад пришли есмы», В.Ф. Перхуров «на счастье тех ратных московских людей, которые при нем есть, и все войско хотело какой-нибудь промысл около неприятеля хотя б

для языка чинити», но И. Серко «на то не поволил», а по возвращении из похода «болшая половина войска хочет итить на Русь, а мало что их при коши останетца для скудости запасов и для того, что весь Низ неприятели у них отняли, отнюдь не имеют, где добыватца». Сам кошевой атаман оправдывал свою пассивность бдительностью неприятеля, который «гораздо в великой на воде и на поле осторожности, и некоторыми мерами не могли есмы языка взяти». Переправа татар у И. Серко, не знавшего, куда они двинутся дальше, вызывала тревогу, поэтому он просил гетмана прислать в Сечь обещанное им казацкое войско под командой своего сына Семена Самойловича, или, на худой конец, хотя бы меньший отряд. Кошевой упрекал гетмана, что если бы войска прибыли в Сечь вовремя, «подлинно б тот неприятель на том острове не городок свой ставил, но и сам бы на острове не постоял, где и по се время турки конные и пешие наметы розставя, стоят, и не ведаем, куда по нашем отходе обратятца» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 10–20].

Гетман И. Самойлович в ответном послании просил стольника, чтобы он еще «задержался» в Запорожье, куда уже двигаются 1,5 тыс. казаков миргородского полка и столько же солдат [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 10–14]. В течение августа неприятель практически не появлялся в районе Сечи. Лишь 10/20 августа, по свидетельству В.Ф. Перхурова, под Сечь приходили татары, но «никакова урону государским людем не учинили». Посылавшийся стольником вверх по Днепру отряд П. Бобоедова 9/19 августа привел в Сечь шедшие туда подкрепления – отряд стрелецкого полуголовы Ивана Гвоздева численностью в 200 чел. [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 48–50об.]. 20/30 августа на кош прибыли конные миргородские казаки под командованием Якова Корицкого. Вместе с ними 25 августа/4 сентября запорожцы направились «на ближние татарские шляхи». Однако на следующий день в Сечи появился бежавший из турецкого войска некий Афанасий Елисеев. Он сообщил, что значительные отряды турок и татар, расположившиеся на р. Ингульце, намеревались «подлинно добывать Сечи запорожской и уже в то время приблизились к сече за четыре мили». И. Серко, по его собственному признанию «ведая, что малолюдствию нашему во обороне от такой великой противной силы не могло б сие место удоволити» ушел из Сечи с запорожцами и с отрядом Я. Корицкого «за Днепр к речке Лободихе», где на другой день к казакам прибыл еще один бывший «невольник», который сообщил, что турки действительно переправляются через Ингулец, но лишь потому, что уходят с Украины [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 42–44, 50об.–51об.]. Чтобы проверить слова выходцев из турецкого плена кошевой атаман, выслал на разведку четырех казаков. «И прилучилось им [...]», – сообщал Серко гетману в письме от 31 августа/10 сентября, – видеть немалую силу, идущую вверх Ингульца [...], которых множество оком неokinут» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 47об.–48]. В «старой» Сечи остался лишь царский стольник со своими солдатами, посчитав, что рассказам А. Елисеева о приближении двухсоттысячного турецкого войска Агмет-паши «верить нечему». В послании И. Самойловичу от 2/12 сентября он сообщал, что хотя запорожцы и отряд Корицкого «сошли на остров серед Днепра – Лободиху, опасаячись [...] неприятельского приходу», турки и татары пока возле коша не показывались, а посланные И. Серко казаки привезли, как считал Перхуров, успокоительные известия, что войско Агмет-паши «идет помаленку, переходя с места на место в верх реки Ингульца».

«А из Сечи не уступлю, разве будет безмочство, как придет паша со всеми своими потугами» – уверял В.Ф. Перхуров гетмана. Уверенности ему придало полученное 28 августа/7 сентября письмо («с порогу Ненасытца») от полковника Мартына Болтвина, двигавшегося в Сечь с 1,5 тыс. солдат. «А хлебные запасы изняли нас, купит не добудешь» – сетовал Перхуров, заканчивая свое письмо [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 48–50об.]. «Господина кошевого особой дружбы никоею мерою к велможности вашей выразумети не можем, – добавлял в конце письма Г. Старосельский, – еще неведомо где неприятеля слышав, с коша ушел и гос-

подина Корицкого с собою взял [...], толко мы [...] з бедными людми ратными на коше прибываем» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 50об.–51].

В течение всего года кошевой атаман последовательно добивался от Крымского ханства проведения обмена пленными (прошлогодние усилия результатов не дали). Еще в апреле 1679 г. бежавший из Сечи в Крым татарин сообщал в Бахчисарае, что «говорил де атаман Серко с казаками, чтоб с крымским ханом переписка учинить, чтоб хан указал крымским татарам невольников своих крымских татар у них казаков окупить и на мену татар на казаков розменить» [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 45–46]. А 13/23 мая в крымскую столицу прибыли сечевые казаки с предложением заключить перемирие для обмена и выкупа пленных [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 46об.–47].

По свидетельству В.Ф. Перхурова и Г. Старосельского множество пленных турок и татар умирали из-за плохого содержания и распространявшихся среди них болезней, заражая при этом и казаков. Это заставляло запорожцев с удвоенной энергией искать мира с ханом, стремясь поскорее обменять имевшийся у них «ясырь», число которого с каждым днем сокращалось, на своих томившихся в неволе товарищей или получить за полоняников выкуп. «А того ясырю уже много померло», – писал гетману Г. Старосельский, сообщая, что запорожцы «думают с неприятелем примирився, окуп чинить» [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 14об.–17]. 28 июня/8 июля с одним из полоняников И. Серко направил хану очередное предложение произвести обмен пленными. Спустя почти два месяца, 30 августа/9 сентября сторожевые казаки «в Карачтабене (урочище в низовьях Днепра. – К.К.) будучи, нашли на берегу воткнен лист от бея казыкерменского», т.е. от Хусейна Муравского. В ответном послании он проигнорировал предложение запорожцев, говоря вместо этого о необходимости скорейшего заключения мира: «Дай Господи Боже, чтоб меж монархами святой покой стался». При этом кошевому атаману предлагалось заручиться соответствующими полномочиями в Москве и начать переговоры о мире с беем. Тем самым Серко «учинил бы себе славу и врата себе отворил к наяснейшей Порте». Однако кошевой в ответном послании упрекал своего корреспондента, что он неправильно понял намерения сечевиков, которые желают лишь произвести обмен пленными: «Ибо нам не было иной нужды к вашей милости писати, толко о том, что плачут полоняники [...], а ваша милость [...] вместо радости полоняником, великим своим вымыслом трудные к нам речи пишешь, понеже до отверзения врат, в которые нам не належит стучатись». Серко, не имея ничего против заключения русско-турецкого мира, требовал от бея деклараций о готовности выкупить или обменять томившийся в Сечи «ясырь». Мирные переговоры, считал он, могут вестись лишь по распоряжению царя, подданным которого объявлял себя кошевой [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 47об.–48, 52об.–55]. В Москве, получив известия об этих переговорах, направили 5/15 октября гетману И. Самойловичу грамоту с указанием сообщить Серко, чтобы он ни в какие переговоры с беем не вступал, не посылал к нему посланников, полжившись во всем на волю великого государя [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 55–56об.].

В сентябре, по окончании военной кампании 1679 г. И. Самойлович пригласил И. Серко приехать к нему в Батурин «для изоустного со мною обо всем совета» о ведении в будущем году военных действий против турок и татар, и, кроме того, желая, чтобы кошевой «изоустно» подлинно рассказал гетману «яко есть низового расположения и новых и нынешних турецких городков строения». Самойлович обещал предводителю запорожцев, что более трех дней его в Батурине не задержит [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 32об.–35]. Гетман просил царя прислать для кошевого царское жалованье, а также выслать Серко царскую грамоту, что его «к Москве не возмут», а гетман его «одарит» «чем пристойно и всем увеселит». Кроме того, старому кошевому должно было быть предложено повидаться со своей женой, жившей на Украине («и буде похочет побывать у жены своей и с нею повидатца

и то ему учинить поволно») [10. Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 59–60об.]. Однако Серко не поехал на встречу с гетманом. К тому времени он имел уже другие планы.

Итак, кампания 1679 г. имела для кошевого атамана два важных результата. Во-первых, с турками и татарами не удалось договориться даже о размене или выкупе пленных, более того, стремившиеся к миру с Россией османы зондировали возможность заключения мира, в том числе и через Запорожье. Кроме того, используя желание Сечи избавиться от «ясыря», Х. Муравский пытался склонить ее к заключению союза. Во-вторых, и что более важно, проявилась неспособность русско-казацких войск противостоять укреплению турецких городков в низовьях Днепра, а стремление Москвы, в свою очередь, также к миру с османами и вовсе отодвигало решение этой насущной для Сечи проблемы на далекий перспективу. Видимо, осознание этого кошевым атаманом стало одной из причин охлаждения отношений между ним и русским стольником. Другой же причиной ухода Серко из Сечи, по всей вероятности, стало желание сохранить от Москвы в тайне возобновившиеся запорожско-польские контакты.

Важным связующим звеном между Сечью и королевским двором послужила Белая Церковь – главный в то время форпост Речи Посполитой на Украине. Заметную роль в них сыграл протопоп Белой Церкви Семен Заремба.

Впервые его имя встречается в документах в начале 1677 г., когда «Семен Заремба Санконом» приехал в Батурин к гетману Ивану Самойловичу с доносом о деятельности бывшего гетмана Правобережной Украины Михаила Ханенко [8. Стб. 43]. По его собственным словам, Заремба поселился в Белой Церкви около 1675 г. [12. S. 258]. К 1678 г. относится первое известие о контактах Зарембы с королевским двором. Об этом свидетельствует проезжая грамота, выданная протопопу 11/21 октября в королевском имении Пиляшковицы. В ней от имени Яна Собеского констатировалось, что «честный Заремба протопоп белоцерковской в нужных наших и Речи Посполитой приехав делех, назад возвращается» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 35–36]. С. Заремба, приславший эту грамоту гетману И. Самойловичу, утверждал, что получил ее, поскольку был послан к великому везиру под Чигирин «с тайнами королевскими». В своем письме (от 20 февраля/2 марта 1679 г.) он напоминал Самойловичу, как будучи в Батурине «пред образом Пресвятые Богородицы обещался до смерти велможности вашей быть желателным». Так же он жаловался, что Ю. Хмельницкий, узнав, что именно он донес на Ханенко, его «немного не убил за того пса Ханенка» и напоминал гетману об обещании вознаграждения за чинимые им услуги [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 30–34]. Сам гетман впоследствии утверждал, что Заремба убеждал его, что «зело ведущ всех тайн польской думы» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 223].

Несколько месяцев спустя Семен Заремба выступил уже как агент польского королевского двора в сношениях с Запорожской Сечью.

Белоцерковский протопоп прибыл в расположение сечевых казаков где-то в середине сентября (по новому стилю), видимо сразу вскоре после ухода Серко и запорожцев на о. Лободиху. С. Заремба объявил казакам, что прислан от белоцерковского коменданта, но с воли короля, чтобы, во-первых, выяснить, как обстоят дела в Сечи, а во-вторых, объявить о намерении короля выслать к запорожцам посольство. В высланных 10/20 сентября с С. Зарембой ответных письмах коменданту Белой Церкви, кошевой атаман описывал неудачи прошедшей военной кампании и те проблемы, которые доставило низовому войску строительство новых турецких крепостей: «fortifikowaniem tureckich zamków Dniepr jest nam na Niż zamknionu» («из-за укрепления турецких замков, низовья Днепра теперь для нас закрыты»). Виной тому, считал И. Серко, оказание недостаточной помощи Сечи со стороны царя и левобережного гетмана. В связи с этим кошевой заявлял о стремлении к «ласке его королевского величества и Речи Посполитой» со стороны низового войска и его готовности принять королевских послов [13. Teki Naruszewicza. Rps. 177. S. 943–946].

Отряд казаков, двинувшийся в обратный путь вместе с С. Зарембой, возглавили запорожцы Григорий Ивановский и Отрохим Тимошевский [13. Teki Naruszewicza. Rps. 177. S. 943]. В его состав вошел и названный сын знаменитого кошевого – Иван Серко-младший. Впервые он упоминается в документах в 1678 г. В декабре того года в Москву прибыло посольство из Сечи во главе с запорожским полковником Федором Шепелем. В «реестре» казаков, входивших в его состав, значился «Иван Серков, выхованец кошевого» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 2]. В Малороссийском приказе его записали также как крестного сына Ивана Серко [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 35]. Русские послы, посещавшие его уже позднее в Варшаве, именовали его Иваном-татаринном [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 540–541], из чего можно сделать вывод, что приемный сын Серко, был крещеным татаринном, вероятно крымским.

Прежде чем прибыть к королевскому двору, казацкое посольство встретилось во Львове с польным коронным гетманом Станиславом Яблоновским. Сообщая 3/13 ноября Яну Собескому о скором прибытии к нему запорожцев во главе с С. Зарембой и «Sierkowym domniemanym synem» («предполагаемым сыном Серко»), он советовал королю лично поговорить с белоцерковским протопопом о положении Запорожской Сечи. Яблоновскому казалось, что запорожцы в беседах с ним приукрашивали свое положение, хотя на самом деле их силы очень слабы, и в Сечи осталось совсем мало казаков. Коронный гетман считал, что из-за новопостроенных турецких городков на Днепре, которые полностью перекрыли низовцам выход в море через устье реки, им придется уйти из Запорожья, поскольку татары приложат все усилия, чтобы не допустить казацких походов по суше [13. Rps. 1376. S. 425].

Счета коронного скарба позволяют точнее проследить хронологию пребывания запорожского посольства в Жолкве, при польском дворе. Казаки прибыли туда около 2/12 ноября (от этого дня датируется выдача им жалованья). Примерно через месяц 86 человек из казацкого посольства были отправлены в Белую Церковь (выдача жалованья им в связи с отъездом датирована 6/16 декабря), а 14, в том числе и Иван Серко-младший остались при короле (все посольство таким образом, насчитывало около 100 чел.) [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. S. 453]. Как отмечал Ян Собеский, казаки были высланы в Белую Церковь на зимовку [13. Rps. 1376. S. 462].

Семен Заремба, по всей вероятности, выехал в Белую Церковь в декабре, предварительно проведя при королевском дворе в Жолкве переговоры с одним из ближайших сподвижников Собеского, Яном Гнинским при участии короля [13. Rps. 1376. S. 462]. В письме от 30 ноября/10 декабря из Львова протопоп благодарил короля за «ласку» и дары, подтверждал свою готовность оказывать дальнейшие услуги королевскому двору, «aby zaczęte rzeczy mogły swoj szczęśliwy wziąć skutek» («чтобы начатые дела могли свое счастливое получить завершение») [13. Rps. 1376. S. 437].

О содержании переговоров Зарембы и Гнинского можно судить на основе недатированного проекта соглашения под названием «Do przywileju zaporożcom od ojca Zareby protopora Białocerkiwskiego» («Для привилея запорожцам от отца Зарембы, белоцерковского протопопа»), собственноручно написанного хелминским воеводой. Речь в нем идет о возвращении украинского казачества под власть польского короля. Это несомненно, не окончательный вариант соглашения, а скорее даже набросок или записанные воеводой устные пропозиции протопопа из Белой Церкви, в которых есть много неясного и противоречивого. Также трудно сказать, насколько он отражал интересы самого И. Серко, а насколько С. Зарембы, также не лишеного политических амбиций.

Гетманом под протекторатом Речи Посполитой должен был стать, по всей видимости, Иван Серко. Проект привилея определял ряд политических и экономических условий существования казацкой автономии под властью Речи Посполи-

той. Казаки сами выбирали себе гетмана, который утверждался королем. Гетман и полковники не могли приговорить совершившего преступления казака к смерти без санкции короля. Резиденция гетмана (столица автономии) также должна была быть определена декларацией короля. Из публичного скарба, находившегося в распоряжении гетмана, он должен был оплачивать приобретение для войска пуль и пороха, а также посылку послов к королю. Территория казацкой автономии должна была располагаться на обоих берегах Днепра, и все находившиеся в ее границах королевские и шляхетские имения должны были перейти во владение казачества. Количество реестра не ограничивалось (число казаков могло доходить хоть до 300 тыс.), при этом за счет аренды предполагалось также создание наемного войска численностью около 10 тыс. чел. Помимо арендаторов винных откупов только казаки могли варить вино и водку на крестины, свадьбы и похороны. На территории казацкой автономии не могли постоянно находиться коронные или литовские войска, а в случае их временного там появления, они должны были покупать провиант у местных жителей за свои деньги. При этом крестьяне все-таки могли платить специальные налоги на содержание этих солдат, при условии, что они не будут у них квартировать. Киевский митрополит должен был получить место в сенате, а церквам православным возвращены «давние вольности». Особо в проекте привилея отмечалось, что казаки Сечи должны были быть в не меньшем почете у короля, нежели городовые казаки и получать регулярное хлебное жалование со специально предназначенных на то мельниц на Левом берегу Днепра, не завися тем самым от милости гетмана. Число сечевых казаков могло достигать 20 тыс. чел. Окончательный вариант привилея должен был быть изготовлен в двух экземплярах, из которых один предполагалось хранить в Сечи, другой – на волости.

Набросав на листке бумаги по пунктам проект привилея, в конце Гнинский сделал еще несколько помет, свидетельствующих, что И. Серко планировал перебраться в Белую Церковь (видимо с частью низового войска). В связи с этим С. Заремба передал просьбу кошевого, чтобы казаки «вольно» жили в районе города, не платя налогов и получив право свободного винокурения. Взамен низовцы были готовы обойтись без белоцерковского полковника, функции его мог исполнять и белоцерковский комендант. В завершение разговора протопоп поделился с Гнинским своими мыслями о необходимости заселить Правобережье, ведя жестокую борьбу с татарами и отвоевав украинские земли у турок. Заремба спрашивал воеводу о границах, установленных Журавненским миром [13. Rps. 428. S. 481–482].

О намерении И. Серко переселиться с Сечи на Правобережье под власть Польши свидетельствуют и другие факты. На состоявшейся 29 декабря 1679/8 января 1680 г. в Варшаве генеральной раде обсуждался вопрос об избрании способов содержания для казаков «którzy zejść chcą z Zaporoża» («которые уйти хотят из Запорожья»), если не будет заключен русско-польский союз против Порты, дававший запорожцам надежду на очищение устья Днепра от турецких крепостей. Рада решила «zostawić ich przy nadziei» («оставить им надежду»), а с теми, кто «прибыл в посольстве до польского короля», обращаться сколько возможно лучше [13. Rps. 866. S. 13–14] (см. также [2. S. 572]). Собеский в письме низовым казакам отмечал, что их послы имели аудиенцию у собравшихся на генеральную раду станов [13. Rps. 1376. S. 462].

В марте 1680 г. на Сечь по поручению короля выехал казацкий полковник Павел Апостол (в счетах коронного скарба выдача ему денег на поездку датирована 14/24 марта) [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 453v.]. Королевская проезжая грамота от 10/20 марта камуфлировала цель поездки под желание полковника «для лутчего в деле рыцерском научения идти на Низ к Войску Нашему Запорожскому, славному с предков своих по всех землях, государствах, городах и волостях, морем и степью славою рыцерскою роспростиратися, что понеже и

ныне в тех же сердцах добрых молотцов не умирает» [10. Ф. 124. Оп 1. 1680 г. Д. 24. Л. 17–18]. Подробности этой миссии получили очень скромное отражение в известных нам источниках. О ее целях можно судить лишь на основе сопутствовавших поездке полковника обстоятельств и других косвенных данных.

В направленном с П. Апостолом письме для кошевого атамана (от 24 февраля/5 марта) Ян Собеский заявлял, что рад предложениям И. Серко, и уделил им особое внимание. Король выражал надежду, что вскоре представится okazия для их осуществления. Он сообщал, что внял просьбе кошевого и оставил его сына при своем дворе, обещая, что Ивану-татарину будет оказан хороший прием и уважение [13. Rps. 1376. S. 461]. В письме с той же датой низовому войску выражалось удовлетворение, что казаки решили предложить свои услуги Речи Посполитой и по примеру своих дедов и прадедов возвратиться под власть своей Отчизны. Сообщалось, что высланному на Сечь Павлу Апостолу дана «устная наука», т.е. словесные инструкции. Заканчивалось письмо туманным намеком Собеского на то, что казаки потрудятся во славу христианства, когда наступит подходящее время [13. Rps. 1376. S. 462].

Возобновившиеся контакты с Речью Посполитой не избавляли Ивана Серко от решения текущих вопросов в отношениях с Крымом, а также Москвой и Батуриным. По-прежнему сохранял актуальность вопрос обмена и выкупа находившихся в Сечи пленных татар и турок. Кошевой не прекращал попыток обменять их на пленных казаков или получить выкуп, но все они терпели неудачу в силу стараний Х. Муравского добиться заключения с Сечью союзного соглашения. Поздней осенью 1679 г. в Сечь наконец-то возвратился запорожский толмач, пробывший в Крыму все лето. Он сообщил о готовности хана произвести размен пленными. Однако посланные в Крым очередные запорожские посланцы в срок не вернулись. Вместо этого крымцы «листы везирский и бейский в Карайтабен на берег принесши, бросили», где письма подобрали казаки. В письме Х. Муравского, отмечалось, что он специально ездил в октябре с казаками в Крым, чтобы оказать им содействие. Задержка послов, по словам казыкерменского бея произошла из-за необходимости дожидаться ответа из Стамбула на отправленную туда ханскую почту [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 205–220, 260–263].

Можно с уверенностью предположить, что в результате Портой был одобрен разработанный при деятельном участии Хусейна Муравского очередной план приведения в подданство султану и хану казаков Запорожской Сечи. В итоге, в начале мая 1680 г. в районе речки Конские Воды состоялась представительная встреча запорожской кошевой старшины с делегацией Крымского ханства, которую возглавлял калга² и ханский везир. Крымская сторона вместо того, чтобы обговаривать условия обмена пленных, выдвинула предложение о заключении военного союза, по образцу заключенного в свое время между Богданом Хмельницким и крымским ханом. Это автоматически означало и отказ от признания верховной власти русского царя. Взамен крымские представители по словам Серко, обещали Сечи «свыше желания нашего в Днепр угоды». Запорожцы не приняли этих требований, выражая готовность заключить перемирие только на время обмена пленными. В итоге переговоры закончились ничем. Кошевой подчеркивал, что один из вдохновителей турецко-татарских планов союза – Х. Муравский, «который их (крымских татар. – К.К.), надеждою о приятстве нашем утешая», обещал это «учинит обыклым своим воровством». «Тот Гуссин бей казыкерменский, – отмечал И. Серко, – непостоянный изменный пес, который будто страж от турчина и резидент пограничный между Крыма и Украины пребывает» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 148. Л. 34–39] (см. также: [9. С. 294–295]).

В течение целого года Крым и османский представитель на Украине Хусейн Муравский использовали желание запорожцев произвести размен пленными

²Калга – второе по значимости лицо в Крымском ханстве после хана.

для реализации политических планов в отношении Сечи. Особенное значение это приобретало в свете тех территориальных противоречий, которые возникли в ходе продолжавшихся русско-османских переговоров о мире [15. С. 130–131, 135–138].

Польско-запорожские контакты с самого начала не были секретом для украинского гетмана И.С. Самойловича. На переговорах с московским дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым в конце октября 1679 г. он сообщил, что бывший в Сечи С. Заремба встречался с находившемся там же представителем гетмана – канцеляристом Василием Чуйкевичем. Через его посредство белоцерковский протопоп предлагал Самойловичу подумать о возвращении под власть своего «дединого» правителя – польского короля. Пользуясь фактом связей кошевого с королевским двором, гетман пытался в очередной раз посеять недоверие к нему в глазах московских политиков. Он убеждал дьяка, что под влиянием С. Зарембы И. Серко предлагал В. Чуйкевичу начать войну против России совместно с Речью Посполитой [1. С. 217].

Попытка С. Зарембы прозондировать настроения Батурина через посредство Сечи, по всей видимости, была предпринята не без влияния королевского двора. Об этом свидетельствует письмо от марта 1680 г. Яна Собеского польному литовскому гетману Михалу Казимежу Радзивиллу с известием о получении послания с Левобережной Украины от тамошнего «первейшего» полковника. Тот писал о готовности левобережных казаков перейти под власть короля и Речи Посполитой, если Россия и Османская империя заключат мир. Ян III надеялся, что за всем этим стоит гетман И. Самойлович [14. *Achiwum Radziwillów. Dz. 3. Rps. 15. S. 63*] (см. также [16. С. 107.]), что выдает его стремление перетянуть на свою сторону левобережного гетмана. Однако, подобные надежды, если и существовали, разбивались о неизменную враждебность Самойловича по отношению к Речи Посполитой и потому, видимо, для королевского двора более было характерно другое отношение к гетману. С. Заремба сообщал ему в феврале 1679 г., что на прошедшем недавно сенатском совете во Львове, не только сенаторы, но «и господа оба гетманы корунные и сам королевское величество про велможность вашу говорили, что аки бы царское величество вас в Сибирь сослал» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 30]. Этому вторит свидетельство великого литовского гетмана Михала Паца, переданное в Москву через агентов Посольского приказа (подробнее о них см. [16. С. 50 и след.]). В апреле 1680 г. М. Пац информировал русское правительство, что якобы Ян Собеский, зная о преданности Самойловича царскому величеству, был бы не против, если бы последнего убили во время всеобщего восстания на Левобережной Украине. Казаки, таким образом, освободившись от власти Москвы, перешли бы под протекцию султана, а затем, свергнув и его власть, возвратились под скипетр короля. Пац обличал не только двуличие Собеского, который одновременно искал с Россией союза против Порты, но и эфемерность его планов по отношению к казачеству, считая, что турки опустошили бы Левобережье также, как ранее Правобережную Украину [10. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 3. Л. 4]. Два года спустя эти планы Яна III приобрели более конкретные очертания [16. С. 105 и след.].

Иван Серко не доверял крымскому хану. Он полагал, что желая усыпить Сечь разговорами о союзе, татары готовятся ее уничтожить. Поэтому еще в ноябре 1679 г. он выслал посольство к гетману с копиями писем Х. Муравского и ханского везира Ахмет-аги, прося прислать в Сечь подкрепления для обороны от возможного нападения крымцев. Информирова Самойловича о приезде в Сечь С. Зарембы, И. Серко представлял его как малозначительный эпизод в политике Сечи. Запорожское посольство привезло в Батурин и письмо белоцерковского коменданта низовому Войску. В ответной грамоте гетман увещевал запорожцев прекратить сношения с польским королем [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 205–210, 221–227, 234–236, 260–263].

После встречи с крымцами в мае 1680 г. кошевой атаман вновь обратился к гетману Ивану Самойловичу, настойчиво прося его добиться присылки в Сечь русско-украинских отрядов на случай «наступления поганского». На этот раз в Батурин были высланы письма казакам от короля Яна III и С. Яблоновского. Безопасность Сечи со стороны Крыма была для И. Серко важнее, нежели тайна сношений с далекой Варшавой, тем более что перспективы их были, видимо, к тому времени не самыми радужными.

Пересылая эту информацию в Москву, Самойлович снабдил ее едким комментарием: «Извольте уведомитися, как их (запорожцев. – К.К.) ляхи [...] до себя привращают, что уж войска низового кошевого атамана Серка гетманом кошевым отитуловали, а устно чрез посланных его обнадживали и все войско, что имели Вашего Царского Пресветлого Величества великим и полномочным послом на сейме нынешнем и на комиссии блиско наступающей будучим, говорить, дабы их запорожцов, Вы, Великий Государь, належащих до своей монаршеской непривращал обороны» [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 483–487 об.]. В сентябре, уже после смерти кошевого атамана, Самойлович прислал в Москву выданные ему сечевыми казаками новые доказательства польско-запорожских контактов и среди них проезжую грамоту польского короля на Сечь П. Апостолу и проезжую грамоту тому же Апостолу для возвращения домой, выданную новым кошевым Иваном Стягаило 11/21 августа 1680 г. [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 1–5, 11, 14–22]. В последней говорилось: «Господин Павел Апостол по изволению наяснейшаго короля его милости когда к нам на Запороже для отведывания славного здешнего места в Низу Запорожском еще на весне приехал и с нами нынешнее лето на Запороже жил, добре узнав сущи на Запороже нашего повожения, по смерти ево милости господина Ивана Серка, яко добровольно к нам приехал, так добровольно в Польшу с некоторым охочим товариством нашим отпускаем ево» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 14–15].

С. Яблоновский писал Серко 2/12 июня из-под Каменца-Подольского, что отпускает на Сечь служившего у него казака Ивана Запорожца из прошлогоднего казацкого посольства и пользуется оказией, чтобы пожелать «доброго здравия» войску низовому и кошевому атаману [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 21–22]. Прибывшее в сентябре в Москву посольство Запорожской Сечи видимо, с подачи И.С. Самойловича, связало контакты кошевого атамана с польским двором с намерением свергнуть гетмана и навести татар на города Слободских полков и Украины. Однако ничего нового, чтобы проливалось свет на обстоятельства развития запорожско-польских связей в 1679–1680 гг., посланцы не поведали. Так, например они заявили, что ничего не знают о содержании переговоров П. Апостола и И. Серко, которые велись кошевым в глубокой тайне [1. С. 222–223].

Как только информация о польско-запорожских контактах начала поступать в Москву, русское правительство немедленно начало предпринимать соответствующие действия на дипломатическом уровне. Уже 26 апреля/6 мая 1680 г. русские послы в Варшаве И.А. Прончищев и Е.И. Украинцев получили царскую грамоту с информацией, что кошевой атаман Иван Серко «послал к королевскому величеству посланцов своих, сына своего названного Ивана татарина с товарищи». В Посольском приказе предполагали, что казаки повезли в Речь Посполитую царскую грамоту в Крым за 1679 г. (видимо имелась в виду грамота ограбленного казаками русского посольства в Крым Б.А. Пазухина и Г. Долгово). Московские политики опасались, что она будет предъявлена Прончищеву и Украинцеву в опровержение русской официальной версии, что никаких мирных переговоров с Крымом и Портой Россия не ведет [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 196. Л. 43].

В апреле 1680 г. в Москву приехал посланец гетмана Иван Ильич Скоропадский, вернувшийся с русским гонцом из Крыма. В грамоте, присланной с ним, гетман обвинял Яна Собеского в антироссийских интригах в Крыму и Запорожской Сечи. Естественно, что Самойлович не жалел черных красок и для характерис-

тики деятельности Ивана Серко, своего многолетнего соперника, который якобы именно по «научению» польского короля, полученному через С. Зарембу, стремится заключить мир с Крымским ханством во вред интересам гетмана и царя [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 425об.–426].

На основе данной информации и других, полученных ранее сведений, из Москвы было отправлено «цифирное» (т.е. шифрованное) письмо, полученное русскими дипломатами в Варшаве 23 мая/2 июня. В нем сообщалось, что И. Серко «возбуждением королевского величества полского, которое послано к ним прошлые осени в его королевской информации с листом бывшего белоцерковского коменданта Семииона Саннонога, которой называетца Сарембою, хотят чинить с ханом и со всем Крымом мир». Послам было велено проводить «на каковых статьях тот мир Серку с ханом чинить велено и для каких причин то с стороны королевского величества учало чинитца, и с чем серковы посланцы будут отпущены» [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 196. Л. 218об.–219].

В соответствии с полученными указаниями русские послы в Варшаве И.А. Прончищев и Е.И. Украинцев уже через несколько дней встретились с Иваном-татаринном, который, впрочем, поведал им, «что никакого королевского величества указу (о переговорах с Крымом. – К.К.) в Запороги к ним не присылывано, а была де от королевского величества присылка в Запороги в прошлом году, как турки близко Сечи строили городки новые, а присылал к ним по указу королевского величества белоцерковской комендант с его королевского величества грамотою и своим листом попа для проводывания, нет ли войску низовому от турецких новопостроенных городков какого утеснения, и войско де низовое, приняв у того попа королевского величества грамоту и комендантов лист, учинили раду и на той раде ту грамоту и лист чли, а в тож де время на той раде был от Вашего Царского Величества присланной Василей Перхуров и что на раде говорено, и то он слышал и к Великому Государю, к Вашему Царскому Величеству о том писал, а королевского величества грамоту и комендантов лист в то время [...] Иван Серко послал к гетману [...], а после того от королевского величества и от белоцерковского коменданта к низовому войску присылки не было, а с чем войско низовое того попа отпустили, того он не ведает». В конце разговора Иван-татарин заверил царских дипломатов, что король собирается отпустить его назад «в Запороги» вскоре после выезда послов из Варшавы [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 540–541]. Как видно приемный сын кошевого превратно истолковывал развитие польско-запорожских контактов, приуменьшая или скрывая от русских представителей невыгодные для себя их моменты. О запорожско-крымском мире, заключенном по польскому «статьям» послам, конечно же, не удалось ничего узнать, поскольку их просто не существовало.

Смерть Ивана Серко 1/11 августа 1680 г. вновь прервала польско-запорожские контакты почти на два года. Точку в них поставил отъезд из Сечи П. Апостола уже через десять дней после смерти кошевого. Последнее вместе с выдачей документов об этих контактах гетману свидетельствует о том, что ни новый кошевой Иван Стягайло, ни сечева старшина, ни «чернь» низового войска не были заинтересованы в их продолжении да и вряд ли были посвящены в детали отношений Ивана Серко с королевским двором.

Однако не отказался от своих политических амбиций другой активный участник этой истории – протопоп Семен Заремба. После смещения Ю. Хмельницкого с правобережного гетманства он стал строить планы стать гетманом под турецким протекторатом, намереваясь привлечь переселенцев с Левобережья в опустевшие города и местечки Правобережной Украины. В августе 1682 г. белоцерковский комендант сообщал, что Заремба даже имеет насчет этого некие «известия» от самой Порты и пытается наладить контакты с великим везирем. Он писал, что протопоп открыто говорил, что не сомневается в получении булавы и ему не страшен даже Едикуле (знаменитый Семибашенный замок, где находил-

ся в заключении Ю. Хмельницкий) и он ждет только прихода под Белую Церковь татарской орды, которая поможет ему утвердиться на гетманстве [12. S. 259–260, 263–265]. При этом одновременно белоцерковский протопоп активно контактировал с гетманом И. Самойловичем, способствуя разоблачению масштабной акции польского двора по организации антироссийских выступлений на Левобережной Украине, за что из Москвы ему даже было послано царское жалованье [16. С. 106–123].

Контакты С. Зарембы с Портой подтверждаются и другими источниками. Так, после изложения пунктов проекта привилея для низовых казаков, следует приписка Я. Гнинского о том, что С. Заремба наладил контакты через Х. Муравского с крымским ханом, а при посредстве последнего и якобы с самим великим везирем [13. Rps. S. 482]. В начале 1681 г. Я. Гнинский, сообщая польскому резиденту в Османской империи Самуэлю Проскому, что в Стамбул выехало посольство правобережного казачества, «prosząc о Hetmana z krwi swojej, iż z Hospodarza wołoskiego nie kontenci» («прося дать им гетмана своей крови, поскольку подарем молдавским (Георге Дуки. – К.К.) не удовлетворены»), рекомендовал ему быть начеку и постараться выведать, нет ли среди них «протопопа», посланцев которого Проский «выследил» в прошлом году. Гнинский отмечал, что резидент знаком с ним, поскольку в 1678 г. под Чигирином он приобрел у этого человека коня [14. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 47. T. 1. С. 106, 111] (здесь уместно напомнить, что сам Заремба упоминал о своей поездке под Чигирин в 1678 г.). А в июле того же года Гнинский сообщал Проскому, что король Ян доволен присылаемой им информацией, а также тем, что резидент сумел узнать о «махинациях» некоего «протопопа» в османской столице. Подканцлер отмечал, что предупреждения Проского поэтому поводу оправдались и подтверждаются сведениями, полученными королевским двором из других источников [13. Rps. 428. S. 22]. Думается, что анонимный протопоп это и есть Семен Заремба, пытавшийся добиться у Порты гетманской булавы.

Напоследок стоит сказать несколько слов о судьбе оставшегося при королевском дворе приемном сыне Ивана Серко. Где-то вскоре после его приезда было отдано распоряжение «одеть» сына кошевого, купив ему за казенный счет тонкого сукна на пару кунтушей (какого сам себе захочет цвета), атласа и китайки на два жупана [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 479]. 10/20 марта 1680 г. папский нунций при польском дворе сообщал в Рим, что Иван-татарин получил тяжелое ранение «к большому огорчению королевского величества» [17. S. 208]. Это известие подтверждается и записью (от 7/17 марта) в счетах коронного скарба о покупке для «больного» Ивана-татарина матраца, одеяла и подушки [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 453v.]. Однако Серко-младший выздоровел и провел при королевском дворе несколько лет.

В 1682 г. Ян Собеский использовал имя сына авторитетного в прошлом атамана, агитируя украинское казачество выступить против России [16. С. 108]. В 1683 г. Иван Серко-младший по всей видимости участвовал в знаменитом походе под Вену польского войска короля Яна Собеского. После завершения военной кампании Собеский вывел армию в Речь Посполитую, оставив ее небольшую часть на зимних квартирах в Закарпатье. Один из польских отрядов, в составе которого находились и казаки, заняв Унгвар (совр. Ужгород), оказался осажден в городе выступавшими на стороне турок многочисленными отрядами венгерских повстанцев. В ночь с 30 на 31 декабря 1683/9 на 10 января 1684 г. Иван-татарин, приемный сын знаменитого кошевого атамана, погиб при отражении очередного ожесточенного штурма [13. Teki Naruszewicza. Rps. 180. S. 41–42].

Еще более ста лет назад известный летописец запорожского казачества Дмитрий Эварницкий писал, что «запорожцы со времени смерти знаменитого кошевого атамана Сирка, в течение 15 лет, с 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кроме двух-трех походов, достойного истинных рыцарей подвига» [3. С. 161].

Это лишний раз подчеркивает то решающее значение, которое оказало предпринятое турками усовершенствование системы обороны низовьев Днепра на снижение боевых возможностей Запорожской Сечи. Отдавал себе в этом отчет и кошевой Иван Серко, что стало одной из причин его готовности вести переговоры о принятии протектората польского короля.

Заманчивые предложения гетманства, делавшиеся Серко Портой через посредство Хусейна Муравского в 1677 и возможно, в 1678 гг., на какое-то время поколебали кошевого. Однако, в конце концов, он отклонил их, также как и позицию союзного соглашения. Трудно сказать, сыграла ли в этом свою роль репутация непримиримого врага «бусурман» и боязнь утраты авторитета среди казаков, неудачный пример Петра Дорошенко или что-то еще. Вопрос турецко-запорожских контактов нуждается в дополнительном исследовании. В то же время этот эпизод биографии И. Серко подтверждает наличие у него политических амбиций, которым уже не отвечало положение кошевого атамана Запорожской Сечи. Это стало еще одним фактором установления польско-запорожских контактов в 1679 г. То, что поначалу Серко возлагал на них серьезные надежды, свидетельствует и факт, что в состав посольства к польскому королю он включил своего приемного сына. Нельзя, впрочем, сбрасывать со счетов и тот факт, что престарелый кошевой пошел на контакты с Варшавой, надеясь получить отдохновение от воинских трудов в виде такой синекеры, как гетман «с ласки» короля и Речи Посполитой над теми немногочисленными казаками, которые квартировали в Киевском Полесье.

В результате возник проект перехода в подданство польского короля и Речи Посполитой казаков Запорожской Сечи. Последние должны были стать своеобразным ядром автономного казачьего политического образования под верховной властью Речи Посполитой. В состав его предполагалось включить земли Правобережья (которые еще предстояло отвоевать у турок) и Левобережья (которое должно было отпасть от России). Уже само это показывает авантюристичность намечавшихся планов, которые впрочем, были вполне в духе «казацкой» дипломатии Яна Собеского. Но было и еще одно препятствие на пути их осуществления. Польская шляхта и католическая церковь на протяжении всего XVII в. встречала в штыки и менее радикальные проекты соглашений с казачеством, что делало нереальным воплощение в жизнь обсуждавшегося Гнинским и Зарембой проекта привилегия для запорожцев.

В любом случае, проект этот по понятным причинам не стал широко известен ни среди польской шляхты и сенаторов (что следует из решений генеральной рады), ни среди самих запорожцев. Хотя нам неизвестно, о чем вели переговоры И. Серко и П. Апостол весной и летом 1680 г., на основе косвенных данных мы можем заключить, что некие формальные обещания польской стороны добиваться восстановления своего влияния на Запорожье дипломатическими путями не удовлетворили кошевого. Попытки королевского двора прозондировать намерения гетмана И. Самойловича относительно перехода под власть польского короля и Речи Посполитой привели к вполне предсказуемой неудаче. Более того, гетман, получив сведения об «изменах» кошевого, не преминул воспользоваться ими, чтобы принизить значение своего политического конкурента в глазах Москвы. В итоге контакты с Варшавой обернулись для Ивана Серко незадолго до смерти не политическими выгодами, а дополнительными проблемами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7.
2. *Majewski W.* Sirko Iwan // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 1996. Т. 37.
3. *Яворницький Д.И.* История запорожских козаков. Киев, 1993. Т. 3.
4. *Kruczyński S.* Bej Barski. Szkic z dziejów tatarów polskich w XVII w. // Rocznik tatarski. Zamość, 1935. Т. 2.
5. *Woliński J.* Pośrednictwo tatarskie w wojnie polsko-tureckiej 1674–1675 // *Woliński J.* Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983.
6. Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1679 // Biblioteka Ordynacji Krasieńskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Warszawa, 1907. Т. 20–22.
7. *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678 гг.
9. *Ананович О.М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961.
10. Российский государственный архив древних актов.
11. *Заруба В.М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003.
12. *Nagielski M.* Listy komendantów Białej Cerkwi Ottona Ernesta i Krzysztofa Rappe z lat 1681–1682 // *Studia historyczno-wojskowe.* 2006. Siedlce, 2007. Т. 1.
13. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie.
15. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
16. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
17. *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes (1550–1850).* Romae, 1969. Vol. 13. 1675–1683.